

Стол ломился от всевозможных яств, в воздухе витал аппетитный аромат зиры, а атмосфера была непринужденной и теплой. Фэн Ли, покрасневшийся от выпитого спиртного, хлопал глазами и одаривал Лян Циншэна сияющей улыбкой.

Однако на этот раз Лян Циншэн лишь слегка опустил взгляд. Он не умел скрывать эмоции, и сейчас, когда улыбнуться не было сил, он просто молча закурил.

Фэн Ли склонил голову, озадаченно глядя на него, но не придавал этому особого значения. Он был виновником торжества, а Лян Циншэн — его парень, свой человек, которого можно задобрить в любую минуту.

В глазах Лян Циншэна, словно искорки от сигареты, теплился обжигающий жар. Когда он хмурился, его суровые черты лица становились еще резче, а густые брови сходились на переносице, отчего он выглядел настолько свирепо, что хотелось держаться от него подальше.

Во рту появился горький привкус. Он не понимал, что не так с этой сигаретой — чем больше он курил, тем сильнее росло раздражение.

— Эй, парень Фэн Ли, дай прикурить, — раздался рядом холодный, безразличный голос, и кто-то слегка коснулся его плеча.

Лян Циншэн обернулся. Это был тот самый богатый сосед по комнате, о котором упоминал Фэн Ли, — Цы Ханьсун.

Между его тонких, аристократически бледных пальцев была зажата длинная белая сигарета. В другой руке он держал металлическую зажигалку, щелкал ею, но та, похоже, сломалась и не давала огня. Его аккуратно подстриженные ногти отливали нежно-розовым цветом.

— Зажигалка не работает, — произнес Цы Ханьсун. Он носил очки в тонкой оправе, за стеклами которых прятались пронзительные глаза, придавая его облику оттенок высокомерной утонченности.

Лян Циншэн лишь мельком глянул на него и вытащил из кармана красную пластиковую зажигалку с изображением красавицы, бросив ее собеседнику.

Он зажал сигарету зубами, и его взгляд, затуманенный сизым дымом, невольно последовал за движениями незнакомца.

Цы Ханьсун погладил поверхность зажигалки, опустив глаза, словно впервые держал в руках столь дешевую вещь, и уголки его губ тронула едва заметная усмешка. Затем он ленивым движением высек огонь. Вспыхнуло красное пламя, и в его свете длинные ресницы незнакомца отбросили мягкую тень на четко очерченное лицо, сияющее, подобно холодному свету молодой луны.

Лян Циншэн подумал: черт возьми, мы что, курим одно и то же? Я курю как петарду, а он — будто дорогую сигару.

Это был самый красивый человек из всех, кого он видел с сигаретой.

Он обнажил белые зубы, прикусывая фильтр, и медленно затянулся. Сизый дым вырвался из уголков его губ, а сама улыбка, которую он невольно сдержал, придала его лицу неожиданно чувственное выражение.

Цы Ханьсун почувствовал на себе прямой взгляд, поднял ресницы и столкнулся с черными, как глубокий холодный омут под ночным небом, глазами. Несмотря на то что в этом взгляде сквозил ледяной холод, Цы Ханьсун словно обжегся. Дым, попавший в легкие, показался ему обжигающе горячим, пальцы непроизвольно сжались, а сердце забилось чаще.

Они встретились взглядами. Через несколько секунд Цы Ханьсун протянул зажигалку обратно. Его пальцы, достойные рук модели, в свете ламп казались почти прозрачными.

— Спасибо, — коротко и вежливо бросил он.

Лян Циншэн проводил взглядом его руку. В сердце всколыхнулось нечто странное, но быстро улеглось. Он ловко убрал зажигалку и затушил окурочек в пепельнице. Он не был падок на красоту, но перед чем-то прекрасным человек невольно останавливает взгляд на пару секунд.

Через несколько минут раскрасневшийся Фэн Ли увел Лян Циншэна — нужно было «отбивать» тосты.

Цы Ханьсун сделал затяжку, и в его глазах за стеклами очков промелькнул холодный огонек. Рядом послышался притворный кашель. Он скосил взгляд на соседа по комнате Лу Линя, сидевшего со скрещенными на груди руками.

— Ты не забыл, что твой хороший сосед тоже курит? — Лу Линь тоже носил очки, но в черной оправе, что придавало ему вид интеллигентного и мудрого человека.

Цы Ханьсун приподнял уголок губ и небрежно ответил:

— А, не знал.

— Запал? — Лу Линь был в хороших отношениях с Цы Ханьсуном, они считались близкими друзьями.

В глазах Цы Ханьсуна заиграла сонная усмешка — то ли равнодушная, то ли полная решимости взять свое:

— М-м, хочу затащить в постель. Кажется, у него отличный стояк.

Он произнес эти вульгарные слова, сохраняя вид неприступного и холодного цветка на вершине горы. Это выглядело донельзя эффектно; даже Лу Линь, хоть и не был геем, почувствовал, как внутри все сжалось.

— Но он парень Фэн Ли. Все-таки один общежитие, нехорошо, — тихо рассмеялся Лу Линь, хотя в его голосе отчетливо слышалось подстрекательство.

— Цы, ты думаешь, почему я только что попросил у него огонь, а не семя? — Цы Ханьсун прищурился, наблюдая за Лян Циншэном. В толпе было немало симпатичных парней, но Лян Циншэн выделялся высоким ростом, широкими плечами и длинными ногами. Его лицо напоминало камень — холодный и твердый. И все же от него невозможно было отвести взгляд.

Цы Ханьсун выпустил облако дыма и почти незаметно вздохнул. Белый дым застилал его глаза, скрыв жадный, хищный взгляд.

Лян Циншэн следовал за Фэн Ли, как на свадьбе, где нужно было обходить столы. Он пил неплохо, но напиваться сегодня не хотел, поэтому сказал Фэн Ли, что уже пьян. Фэн Ли привык жалеть его: стоило Лян Циншэну пожаловаться, как он, хоть и бросал на него обеспокоенные и разочарованные взгляды, больше не заставлял пить.

Компания пошумела еще немного и переместилась в караоке-бар.

Когда они вышли, небо уже совсем почернело, моросил мелкий дождь. Лян Циншэн и Фэн Ли шли под одним зонтом; он обнимал его за талию, другой рукой держа зонт, и в эту ветреную дождливую ночь от него исходило невероятное чувство защищенности.

Цы Ханьсун шел позади с черным зонтом, не отрывая взгляда от большой руки на талии Фэн Ли. Он невольно прикусил кончик языка, не в силах отвести глаз.

В караоке они заказали Фэн Ли торт. Лян Циншэн тоже приготовил подарок, но съесть столько было невозможно, поэтому свой торт он оставил нетронутым, решив сначала доесть общий.

Лян Циншэн вновь увидел знакомую сцену, и внутри у него все онемело. Его глаза стали темнее ночного неба, но в душе еще теплилась слабая надежда.

Надежда, что это всего лишь сон.

Лян Циншэн не умел петь, в караоке он был лишь дополнением, поэтому, чтобы не выглядеть лишним, он согласился играть с друзьями Фэн Ли. Как он ни старался сдерживаться, под натиском желающих напоить его он все же захмелел.

А может, в глубине души он сам хотел напиться? Но все вышло иначе: он несколько раз выходил в туалет, но сознание оставалось пугающе ясным, и кошмар никуда не исчезал.

В туалете он выкурил сигарету, пытаясь подавить хмель, и только когда почувствовал себя чуть лучше, вышел обратно. Оглядев зал, он не увидел ни Фэн Ли, ни Ли Чуаньбая.

Сердце пропустило удар. В ушах звенел вой караоке, лицо горело, но на душе было пусто и холодно. С мрачным видом он толкнул дверь и вышел в коридор.

Цы Ханьсун, который как раз направлялся в туалет, заметив его помрачневшее лицо и решительный шаг, на секунду замер, а затем последовал за ним.

Лян Циншэн уже видел во сне номер этого пустого кабинета — как раз через два от их зала. Он еще не успел подойти, как из приоткрытых дверей пустующих комнат донеслись едва уловимые двусмысленные звуки.

Когда он услышал знакомый голос, дамоклов меч, висевший над головой, наконец рухнул. Вся прежняя тревога сменилась ледяным спокойствием. Его словно окатили ведром ледяной воды.

Фэн Ли, покрасневшись, обнимал старшекурсника за шею, привставая на цыпочках для поцелуя. Он издавал жалобные звуки, в которых сквозило пьяное, манящее желание.

Ли Чуаньбай не спешил. Позволяя Фэн Ли лхнуть к себе, он то и дело целовал его в губы, двусмысленно спрашивая:

— Ну и маленькая же ты шлюшка. Так торопишься? Твой парень что, не справляется? Не может тебя удовлетворить?

При слове «парень» тело Фэн Ли содрогнулось, и он, изнывая от желания, пробормотал:

— Нет...

Ли Чуаньбай сильно сжал его ягодицы и намеренно спросил:

— Что «нет»?

— Он хороший... ах! — не успел он договорить, как Ли Чуаньбай больно укусил его за губу. Фэн Ли обиженно посмотрел на него и поправился: — Старшекурсник самый лучший...

Рядом возникла черная тень. Лян Циншэн усмехнулся, вырывая парочку из их страстного дурмана. Фэн Ли пробрал холод, пьяный дурман испарился, он оттолкнул Ли Чуаньбая и, обернувшись, в одно мгновение почувствовал, будто провалился в ледяную пещеру.

Сердце Фэн Ли охватила паника — словно рухнуло небо. Он бросился к Лян Циншэну, обнял его за талию и закричал:

— Брат! Брат! Послушай меня, я все объясню!

Лян Циншэн с силой отшвырнул его на диван, а затем, медленно и неотвратно, двинулся к мужчине, который до сих пор сохранял невозмутимый вид.

— Лян, на самом деле между мной и Сяо Ли ничего нет. Он просто упал, я помогал ему размять ушиб. Веришь? — Ли Чуаньбай насмешливо улыбнулся, и в его красивых глазах блеснула злоба.

Лян Циншэн провел языком по зубам. Он всегда предпочитал действовать, а не болтать. Сжав кулаки, он с молниеносной скоростью нанес удар, рявкнув:

— Верю я тебе, ублюдок, хрен собачий!

Ли Чуаньбай немного занимался тхэквондо и поэтому был уверен в своих силах, надеясь, что справится. Но кто такой Лян Циншэн? Он с детства дрался с хулиганами и не знал поражений.

Разве мог он позволить этому человеку, который наставил ему рога, увернуться?

Ли Чуаньбай попытался уклониться, но Лян Циншэн в мгновение ока пнул его в колено. Как только тот рухнул на пол, Лян Циншэн схватил его за голову и ударил коленом в лицо. Брызнула кровь.

Ли Чуаньбай взвыл. У него почти не было опыта реальных драк, и в ближнем бою он мог только принимать удары.

К тому времени, как Фэн Ли выскочил с дивана, чтобы вмешаться, Ли Чуаньбай уже был вжат в пол и избиваем. Лян Циншэн бил его кулаками, тяжелыми, как чугунные гири, — еще пара таких ударов, и Ли Чуаньбай потерял бы сознание.

Лицо Ли Чуаньбая превратилось в сплошное сине-фиолетовое месиво. Под кулаками Лян Циншэна человеческая голова долго не выдерживает.

Увидев, что Ли Чуаньбай еле дышит, а Лян Циншэн выглядит как одержимый яростью зверь, Фэн Ли в испуге бросился к ним, обхватил голову Ли Чуаньбая и попытался остановить Лян Циншэна.

Глаза Лян Циншэна были черными, как бездна, в них мерцал хищный свет. Он прорычал:

— Фэн Ли, отойди.

Стоя спиной к свету, Лян Циншэн походил на зверя, напившегося крови. Он не был глупцом, чтобы из-за такого человека садиться в тюрьму.

Фэн Ли рыдал, закрывая собой Ли Чуаньбая, боясь, что Лян Циншэн забьет его до смерти. Он тряс головой, выглядя донельзя жалко:

— Не надо, пожалуйста, хватит, брат, умоляю, не бей его больше.

Лян Циншэн глубоко посмотрел на его лицо, чувствуя тошнотворную пустоту. Он поднялся с корчившегося Ли Чуаньбая, напоследок с силой пнул его, отчего тот судорожно дернулся.

— Фэн Ли, между нами все кончено. И не смей, черт возьми, называть меня братом.

<http://bllate.org/book/21585/2224492>